

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ КОМЕДИЙНОЙ ДРАМАТУРГИИ

Ибодуллаева Ширина Миржон кизи

Ассистент преподаватель

Каршинский Университет Экономики и Педагогики

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18296849>

Введение. Фразеологические выражения представляют одну из самых сложных задач при художественном переводе. Идиомы и пословицы глубоко укоренены в культурном контексте языка-оригинала: их буквальное значение зачастую не совпадает с переносным, а образ может быть непонятен носителям другого языка. В комедийных произведениях проблемы перевода усложняются тем, что фразеологизмы несут не только смысловую, но и юмористическую нагрузку. Переводчик должен передать не только значение устойчивого выражения, но и сохранить комический эффект, характер речи персонажа, сатирический оттенок – словом, весь «буket» функций, о которых говорилось ранее. Рассмотрим переводческие аспекты на примере русско-узбекской пары языков и конкретных реалий комедий Гоголя и Ниязи [1].

Культурно-языковая несоответимость идиом. Основная трудность при переводе фразеологизмов – отсутствие прямых эквивалентов в языке перевода. Многие идиомы привязаны к образам и реалиям, характерным только для одной культуры, поэтому буквальный перевод либо лишён смысла, либо не производит нужного впечатления. Например, в узбекской речи встречается выражение «ҳар қанақа бир коса пиёла қилиш» – дословно «делать из каждой чашки миску». Эта колоритная идиома означает «поднимать шум из ничего, усложнять на пустом месте». Если перевести её дословно на русский («делать из чашки миску»), смысл ускользнет от читателя. Переводчик должен искать функциональный аналог. В данном случае по значению подходит русская поговорка «делать из муhi слона», то есть преувеличивать мелочь до проблемы. Выбор такого аналога позволяет передать основную идею (бесполезная суeta) и сохранить элемент гиперболы, хоть образ насекомого и слона отличается от узбекских чашки и пиалы. Другой пример – русская пословица «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». При гипотетическом переводе «Ревизора» на узбекский язык прямой перенос этого образа (зеркало и кривое лицо) может не быть понят зрителем, если у него нет похожей поговорки. Переводчику имело бы смысл заменить её на близкое по смыслу узбекское изречение. Скажем, в узбекской паремии есть схожий посыл: «Ёмон ўзини қўрмайди, ёмонни ўзгадан қидиради» – «плохой себя не видит, плохое в другом ищет». Взяв эквивалентную местную пословицу, переводчик добьётся того же эффекта самокритичного назидания, но уже средствами родного для зрителя фольклора. Таким образом, стратегия замены фразеологизма функциональным аналогом – одна из ключевых при переводе: вместо буквального соответствия подбирается устойчивая фраза в языке перевода, передающая то же значение и стилистическую коннотацию [2].

Передача образности и комического эффекта. Помимо значения, переводчику важно сохранить экспрессивность и юмор, заключённый в идиоме. В комедии нередко смысл фразеологизма вторичен по сравнению с его эмоционально-комическим воздействием. Например, когда Мулла в узбекской пьесе сгорая от гнева выкрикивает «Ер тўткур!» – дословно: «Пусть земля тебя поглотит!» – он произносит традиционное

проклятие, крайне экспрессивное для узбекского уха. Прямой русский перевод будет понятен (в русском есть выражение «провалиться тебе сквозь землю» с похожим образом), но может не дать той же эмоциональной силы. Русский читатель скорее ожидает в такой ситуации услышать привычное ругательство, например: «Чтоб тебя черт поборал!». Действительно, гоголевские персонажи бронятся через упоминание черта – близкий по смыслу прием, выражающий крайнее раздражение. Однако у черта и у «поглощающей земли» разные культурные оттенки: в русской традиции черт – привычный фольклорный образ озорной брави, тогда как в узбекской культуре проклятие призывает землю забрать человека, что восходит к представлению о смерти и могиле. При переводе подобные нюансы нужно учесть. Переводчик, вероятно, заменит «Ер тўткур» на русский эквивалент «Чтоб ты сгинул (провалился)», сохранив интенсивность проклятия, но адаптировав образ к ожиданиям русской аудитории. Обратная ситуация: в речи русского персонажа может встретиться фраза типа «черт дернул (меня что-то сделать)» – дословно упоминание нечистой силы в качестве виновника. Узбекскому читателю такой оборот менее привычен; переводчик на узбекский, возможно, предпочтет нейтральное объяснение («шайтан васваса қилди» – шайтан попутал, либо просто «нафс душога урди» – страсть подвигла), чтобы сохранить смысл самоупрёка без чрезмерно чуждого образа. Эти решения требуют от переводчика тонкого баланса между буквальной точностью и стилистической адаптацией [3].

Стратегии и подходы к переводу идиом. Теория перевода описывает несколько стратегий передачи фразеологизмов: (1) использование аналогичной идиомы в языке перевода (при наличии таковой), (2) калькирование образа с последующим пояснением, (3) полная перестройка фразы или описательный перевод, передающий лишь значение. В контексте комедийной литературы наибольший приоритет имеет сохранение функции выражения. Если идиома служит для шутки или характеристики героя, желательно найти в языке перевода такой оборот, который вызвал бы сходную реакцию. Например, в «Проделках Майсары» встречается шуточное преувеличение: «Бошим қатди, ақлим йўқ!» – буквально: «Голова окостенела, ума нет!», сказанное героем в состоянии крайнего недоумения. Русский эквивалент по эффекту – восклицание «У меня ум за разум зашел!» или «голова кругом идет». Выбирая такое соответствие, переводчик передает и образ (потеря способности мыслить), и эмоциональную окраску (комическое признание беспомощности). Другая ситуация – игра на стилистических регистрах: Майсара притворно обращается к простаку с чрезмерным почтением «Хуш келдингиз, тақсир!» («Добро пожаловать, сударь!»), пародируя высокий стиль. В русском контексте для схожей комической интонации можно было бы использовать архаично-вежливое обращение вроде: «Милости просим, батюшка!», которое тоже звучит нарочито официозно и нелепо в данной ситуации. Таким образом, переводческая перспектива требует творческого переосмысливания каждой фразеологической единицы: важно понять её подтекст, комическую роль в сцене и подобрать такую форму на другом языке, которая выполнит ту же роль. Это может означать, что в переводе образ поменяется (зеркало на муху, черт на землю, чашка на слона и т.д.), но эффект – смех, ирония, эмоциональный нажим – останется эквивалентным.

Выводы. Сравнительный анализ русских и узбекских фразеологизмов в комедийных текстах подчёркивает критическую важность культурной адаптации при переводе. Фразеологизмы не существуют в вакууме – они несут отпечаток народного мышления, истории, быта. Переводчик, работающий с такими элементами, фактически осуществляет межкультурную коммуникацию: ему необходимо донести до нового читателя заложенный в идиоме смысл и эмоциональное воздействие, часто жертвуя формальной точностью ради динамичного эквивалента. Практика перевода комедий Гоголя на узбекский или пьес Ниязи на русский показывает, что успешный перевод фразеологизмов возможен при условии глубокого знания обоих языков и культур. Новизна и ценность переводческой перспективы заключаются в том, что она выявляет «слабые звенья» буквального подхода и предлагает решения, сохраняющие дух оригинала. Сопоставление идиом двух языков помогает составить своего рода двуязычный каталог эквивалентов и лакун: где-то находятся поразительно схожие образы (как метафора закипающего гнева), а где-то требуются творческие находки. Выявление этих соответствий и расхождений имеет практическую значимость для переводоведения и межязыковой фразеографии – результаты исследования могут быть использованы при составлении русско-узбекских словарей фразеологизмов, разработке методики преподавания перевода и, конечно, при самой художественной переводческой работе, где каждая удачно переданная поговорка – это сохранённая грань авторского таланта и национального колорита.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Емельянова, Н. А., Ершова, Л. В., & Норейко, Л. Н. Секция XV. Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками.
2. Филей, Т. В. (2022). Специфика функций фразеологии в русской драматургии 1850-1860-х годов (на материале пьес АН Островского, АФ Писемского, АВ Сухово-Кобылина) (Doctoral dissertation, Саранск, 2022. 210 c.[Filey TV Specificity of the functions of phraseology in Russian drama in 1850-1860s: plays by AN Ostrovsky, AF Pisemsky, and AV Sukhovo-Kobylin. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saransk, 2022, 210.(In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpyukze>).
3. Прокопенкова, М. А. (2018). Проблемы перевода фразеологизмов с английского на русский язык. Вестник Московского информационно-технологического университета–Московского архитектурно-строительного института, (1), 92-94.